

**Идейно-нравственная проблематика романа
У. Фолкнера «Когда я умирала»**

***Аннотация.** Исследуется идейно-нравственная (аксиологическая) проблематика романа У. Фолкнера «Когда я умирала». Устанавливается роль категорий абсурда и отчужденности в художественной реальности произведения. Делается вывод о наличии противоречий между декларируемыми и реальными ценностями ряда персонажей произведения Фолкнера. Рассматривается вопрос об идейных влияниях на содержание текста.*

***Ключевые слова:** американская литература, У. Фолкнер, идейно-нравственная проблематика, ценность, абсурд, отчужденность, поток сознания, философия языка.*

***Abstract.** The article analyzes the ideological and moral (axiological) problems of William Faulkner's novel "As I Lay Dying". The research aims to investigate the role of the categories of absurdity and alienation in the artistic reality of the work. It draws our attention to the existence of contradictions between the declared and real values of a number of characters in Faulkner's work. The author examines intellectual influences on the content of the novel.*

***Keywords:** American literature, William Faulkner, ideological and moral problems, value, absurdity, alienation, stream of consciousness, philosophy of language.*

Среди значительных писателей XX века выделяется американский прозаик, лауреат Нобелевской премии 1949 года У. Фолкнер (*William Cuthbert Faulkner*, 1897–1962). Большая часть произведений художника слова посвящена вымышленному южному округу Йокнапатофа, чьи жители были сломлены Гражданской войной 1861–1865 гг., а затем, как все американцы, почувствовали дегуманизирующее влияние Первой мировой войны. Р.П. Уоррен (*Robert Penn Warren*, 1905–1989), современник Фолкнера, заметил важную особенность «южной саги» писателя: «Легенда, создаваемая Фолкнером <...> не просто легенда о Юге, она об общем трагизме человеческого существования. <...> Человек глубоко страдает от отсутствия самодисциплины, святых, общих ценностей, он не видит смысла в своем существовании»²⁷ [3, с. 146]. Среди проблем, затронутых в романах художника слова и выражающих трагедийность человеческого бытия, можно выделить

²⁷ «The Faulkner legend is not merely a legend of the South but of a general plight and problem. <...> does suffer from a lack of discipline, of sanction, of community of values, of a sense of mission» [7, p. 65].

разрушение семьи и сельской общины, расизм, а также вопросы, связанные с ролью женщины в обществе, религией, выбором между традицией и прогрессом, духовным и материальным, чистотой и порочностью.

Специальных литературоведческих исследований, в центре внимания которых находился бы ценностный аспект прозы Фолкнера, за редким исключением ранее не проводилось²⁸. Упомянем диссертацию И.А. Делазари «Аксиологические модели в структуре художественного мира У. Фолкнера» [2], в которой проанализированы (преимущественно имманентно) романы «Свет в августе» (*Light in August*, 1932), «Авессалом, Авессалом!» (*Absalom, Absalom!*, 1936) «Реквием по монахине» (*Requiem for a Nun*, 1951) и «Притча» (*A Fable*, 1954).

Тематически «Когда я умирала» (*As I Lay Dying*, 1930) отчасти перекликается с предыдущим романом Фолкнера «Шум и ярость» (*The Sound and the Fury*, 1929): автор вновь помещает в центр повествования историю разобщенной семьи. На этот раз прозаик рассказывает о белых бедняках Бандренах, отправившихся в административный центр округа, чтобы предать земле тело матери. Здесь заметно отличие от предыдущего романа, где мир Йокнапатофы был показан с точки зрения южных аристократов Компсонов. В то же время социальный контекст менее важен для интерпретации романа 1930 года, чем при работе с более ранним текстом. В сущности, Фолкнер акцентирует читательское внимание на разнообразии и уникальности вызванных смертью матери эмоций и мыслей Бандренов, а не на положении этой семьи в обществе и сопутствующих этому вопросам.

Преимственность наблюдается также в повествовательной манере обоих художественных текстов. По сравнению с «Шумом и яростью», время в более позднем произведении отличается гораздо меньшей дискретностью. События, за несколькими исключениями, подаются последовательно, несмотря на то, что в романе «Когда я умирала» наличествуют 59 глав с 15 рассказчиками, однако читатель неизбежно сталкивается с абберациями восприятия, вызванными описанием иррациональных внутренних переживаний и особенностями уникального мировосприятия каждого героя.

Большая часть событийного ряда произведения подается с точки зрения Дарла, одного из сыновей Бандренов. Поведение персонажа своеобразно. Большинство героев считают молодого человека чудаковатым. Например, юноша часто смеётся, что порой контрастирует с происходящими событиями, в которые он оказывается вовлечен. В одном из эпизодов Фолкнер буквализирует присущее роману сочетание трагического и комического (в данном конкретном случае это смерть

²⁸ Среди белорусских филологов, рассмотревших другие аспекты творчества прозаика, выделим и Т.Е. Комаровскую, И.К. Кудрявцеву, З.И. Третьяк и И.В. Шабловскую. Также отметим работы российских и советских ученых Н.А. Анастасьева, М.Ю. Асаниной, Г.А. Ветошкиной, А.В. Володиной, Б.Т. Грибанова, Н.А. Мороз и А.К. Савуренок. В зарубежном литературоведении творческое наследие писателя исследовали Т. Аткинсон, К. Брукс, С.В. Дональдсон, Д. Доулинг, К. Карнатт, К. Портер, Д. Рэмpton, Э.Дж. Сандквист, Дж. Смит, Дж. Уильямсон, Г.Э. Хейл и Р.В. Хэмблин.

и смех): «Дарл начинает смеяться. Сидит на скамейке с Кешем, покойная мать в гробу лежит у него в ногах, а он смеется. Не знаю, сколько раз я ему говорил, что из-за таких вот выходок люди о нем и судачат»²⁹ [4, с. 308]. Однако в поведении Дарла обнаруживается связь с идейной основой произведения. Ближе к финалу романа юноша замечает абсурдность того, что его сестра и братья, недавно похоронившие мать, абсолютно спокойны и умиротворенно едят фрукты. Более интересно то, что Дарл предпринимает попытку сжечь тело Адди, это делает его единственным Бандреном, желающим завершить крайне абсурдное путешествие (всего оно продлилось около десяти дней) с разлагающимся телом матери в Джефферсон.

Порой Фолкнер намекает на относительность безумия Дарла. Так, Кэш, старший сын Бандренов, рассуждает о природе психических заболеваний и связывает их с представлениями общества о нормальности: «Я иногда задумываюсь, кто имеет право решать, нормальный человек или ненормальный. Иногда мне кажется, что нет между нами совсем нормального и совсем ненормального, и кто он есть – мы договариваемся и решаем. Выходит, не то важно, что человек делает, а то, как большинство людей посмотрит на его дела»³⁰ [4, с. 380].

Дарл отличается особой проницательностью. Он является хранителем тайны беременности своей младшей сестры, а также «чувствует» смерть матери, находясь далеко от дома. В главе, повествующей о доставке молодого человека в психиатрическую больницу, Фолкнер вводит важный образ-символ: полевой бинокль (*spyglass*), привезенный героем с Первой мировой войны, в которой персонаж принимал участие. Оптический прибор на символическом уровне отсылает к тому, что Дарл видит вещи, не замечаемые остальными Бандренами. Причиной чудачества персонажа, по всей видимости, является психологическая травма, полученная им на полях сражений. Упоминание этого исторического события в тексте вполне закономерно, учитывая какую роль оно сыграло в формировании писательского мифа Фолкнера³¹.

Строго говоря, в романе формируется двухуровневая система: «помешанный» Дарл (с точки зрения других Бандренов) помещается автором в абсурдную художественную реальность произведения (с точки зрения имплицитного читателя / самого Дарла), тем самым делая более явным общую нелогичность и нелепость происходящего в художественном тексте.

²⁹ «...Darl begun to laugh. Setting back there on the plank seat with Cash, with his dead ma lying in her coffin at his feet, laughing. How many times I told him it's doing such things as that that makes folks talk about him, I don't know» [6, p. 99].

³⁰ «Sometimes I ain't so sho who's got ere a right to say when a man is crazy and when he ain't. Sometimes I think it ain't none of us pure crazy and ain't none of us pure sane until the balance of us talks him that-a-way. It's like it ain't so much what a fellow does, but it's the way the majority of folks is looking at him when he does it» [6, p. 223].

³¹ Фолкнер был мифотворцем не только придумывая Йокнапатофу, но и создавая легенду своей жизни. Какое-то время считалось, что Фолкнер был ветераном Первой мировой войны и участвовал в воздушных боях над Европой. В действительности война закончилась прежде, чем будущий писатель прошел летную подготовку. Неясность в эту ситуацию добавляли уклончивые, а иногда ложные «показания» самого прозаика, написавшего, к слову, несколько произведений, где затрагивалась тема Великой войны.

Наличие в романе категорий абсурда и отчуждения сближают Фолкнера с писателями экзистенциалистского толка Ж.-П. Сартром (*Jean-Paul Charles Aymard Sartre*, 1905–1980) и А. Камю (*Albert Camus*, 1913–1960). Неудивительно, что именно французы были одними из первых почитателей творчества американского прозаика. Конечно, отчуждены в романе и другие Бандрены, однако их мировоззрение не позволяет им осознать абсурдность десятидневного паломничества с телом мертвого человека в Джефферсон, поэтому, на наш взгляд, для «экзистенциалистского» прочтения произведения важен в первую очередь образ Дарла.

Для более глубокого понимания идейно-нравственной составляющей исследуемого художественного текста укажем на наличие у большинства Бандренов дополнительной интенции к путешествию в Джефферсон. Причем объект, вызывающий интерес у героев, близок по своей значимости образу Адди. К примеру, Вардамана привлекает игрушечный поезд, на который можно посмотреть в городе. Дюи Дэлл хочет сделать в этом месте аборт. Для Джула особенно ценна его лошадь. Можно заключить о наличии в романе несоответствия (противопоставления) между открыто декларируемыми и реальными мотивами (ценностями) персонажей. Конечно, эта ситуация в полной мере не обнаруживает в себе явного антагонизма, скорее справедливо говорить о контаминации образа матери/жены и других реалий.

Наиболее явно вышеназванная особенность заметна в образе Анса Бандрена, главы семейства. Мужчина желает отправиться в административный центр округа не только, чтобы похоронить жену, но и обзавестись новыми зубами, о чем он начинает думать практически сразу после смерти женщины. Ближе к финалу романа герой прямо указывает, что они нужны ему, «чтобы есть пищу, Богом человеку предназначенную»³² [4, с. 357].

Ситуации, когда Анс вводит в свои размышления фигуру бога, встречаются в романе нередко, но христианский образ жизни понимается героем превратно. К примеру, отец семейства рассуждает о нелегкой фермерской жизни, однако мужчина, по наблюдению его детей, не работает из-за «болезни», грозящей главе семьи смертью, если, трудясь, тот вспотеет. Порой Анс замечает в своей жизни провидение и оправдывает собственные действия и желания божественным планом: «Меня избрал Господь, потому что кого Он любит, того наказывает. Но чудными же способами извещает он об этом человека, ей-ей. Но теперь я вставлю зубы. Это будет утешением. Будет»³³ [4, с. 310].

Заметим, что мнимой или своеобразно понятой верой в бога характеризуются также другие персонажи (Дюи Дэлл, соседи Бандренов и др.). Эту особенность справедливо трактовать как одну из идейно-нравственных доминант романа.

³² «...so I could eat God's appointed food» [6, p. 182].

³³ «I am the chosen of the Lord, for who He loveth, so doeth He chastiseth. But I be durn if He don't take some curious ways to show it, seems like. But now I can get them teeth. That will be a comfort. It will» [6, p. 105].

В финале произведения Анс за день успевает жениться на даме, одолживший Бандренам лопаты и таким образом косвенно принявшей участие в погребении Адди. Примечательно, что у новой избранницы Анса был графофон, устройство, приводимое в работу воздействием человека, а затем проигрывающее музыку с воскового валика самостоятельно, пока не кончится завод. На символическом уровне образ графофона соотносится с содержанием романа, ведь мотивация многих героев, по их же мнению, нередко определяется внешним (божественным) воздействием. К тому же это можно связать с показанной в романе концепцией цикличности жизни. Заметим, что в «Шуме и ярости» время, в котором находятся Компсоны, линейно. Это выражается в том, что энтропия неизбежно прервет их род. В то время как Анс находит себе другую миссис Бандрен (главные героини называют женщину именно так), вставляет зубы и больше не выглядит сгорбленным. История замыкается, если, конечно, не принимать во внимание ситуацию с Дарлом, оказавшимся в психиатрической больнице. И наконец, количество времени, понадобившееся, чтобы принять нового человека в семью, говорит о том, что для героев была ценна не Адди, а роль жены/матери, которую она выполняла.

Биограф и исследователь творчества Фолкнера Б.Т. Грибанов характеризует историю о Бандренах следующим образом: «...путешествие оказывается чудовищной смесью упорства и бессмыслицы, подвига и идиотизма. <...> читатель вскоре перестает улавливать грань между трагедией и комедией, бытием и небытием, реальностью и иллюзией, разумом и безумием. Все перемешалось в этом повествовании» [1, с. 154]. После филолог делает важное уточнение: «...это действительно выглядело бы так, если бы в романе не было одного монолога, который придает глубокий смысл всей абсурдной истории» [1, с. 156].

Поток сознания Адди выделяется на фоне остальных глав «Когда я умирала», т.к. запечатлевает мысли мертвого человека. Несмотря на то, что Адди является матерью пятерых детей, на переднем плане в обрисовке ее образа находятся анти-витальные тенденции и ценности.

Во-первых, женщина питает теплые чувства только к своему сыну Джулу, зачатоу от местного священника. Во-вторых, в монологе Адди особое место отводится ее рефлексии над собственной жизнью, которую женщина понимает как подготовку к смерти. Практически в самом начале ее потока сознания приводятся слова отца героини, проливающие свет на заглавие произведения: «Смысл жизни – приготовиться к тому, чтобы долго быть мертвым»³⁴ [4, с. 344]. Адди возводит жизнь в разряд универсальных антиценностей. Справедливо судить о явном противоречии, ведь женщина является матерью, т.е. ее образ в романе репрезентует витальность, но вместе с этим Адди презирает жизнь.

³⁴ «...the reason for living was to get ready to stay dead a long time» [6, p. 161].

В главе Адди затронута не только тема абсурдности жизни, но и говорится о бессмысленности понятий и слов. Показательно, что для американского критика К. Керната роман «Когда я умирала» более явно выражает идею о бессмысленности и пустоте жизни, обозначенную в эпиграфе к «Шуму и ярости» [5, р. 90]. Это не лишено смысла. В качестве примера приведем фрагмент рассуждений Адди: «Я поняла, что материнство изобретено кем-то, кому нужно было это слово, потому что тем, у кого есть дети, все равно, есть для этого название или нет. Я поняла, что страх изобретен тем, кто никогда не знал страха, гордость – тем, у кого никогда не было гордости»³⁵ [4, с. 346]. То есть можно заключить, что, по мнению женщины, язык не выполняет функцию, которую Р. Якобсон назвал бы референтивной. По-другому это можно выразить как потерю связи между означаемым и означающим. Фолкнер обращается к проблематике, ярко давшей о себе знать в мысли XX века (особенно в философии языка). Конечно, в данном случае мы не говорим о прямом влиянии (генетической связи). Однако американский прозаик любил повторять, что определённые идеи витают в воздухе.

Таким образом, в романе «Когда я умирала» редуцируются социальный (в большей степени) и исторический (в меньшей степени) контексты. Сутью проблематики произведения является несоответствие между декларируемыми и реальными ценностями героев. Идеальная основа истории семьи Бандренов связана с утратой языком референтивной функции, что, в свою очередь, обнажает абсурдно-комическую сторону человеческого бытия. Обозначенную тему оттеняет образ участника Первой мировой войны Дарла Бандрена, рефлексизирующего персонажа, замечаящего абсурдность окружающей действительности.

Литература

1. Грибанов, Б.Т. Фолкнер / Б.Т. Грибанов. – М.: Молодая гвардия, 1976. – 352 с.
2. Делазари, И.А. Аксиологические модели в структуре художественного мира У. Фолкнера : автореф. дис. ... филол. наук : 10.01.03 / И.А. Делазари ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2003. – 24 с.
3. Уоррен, Р.П. Как работает поэт. Статьи интервью / Р.П. Уоррен; сост. и общ. ред. А.Н. Николюкина. – М.: Радуга, 1988. – 544 с.
4. Фолкнер, У. Собрание сочинений: в 9 т. / У. Фолкнер. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – Т. 2: Шум и ярость / пер. с англ. О. Сороки; Когда я умирала / пер. с англ. В. Голышева; Святилище / пер. с англ. Д. Вознякевича; Послесл. Б. Грибанова. – 576 с.
5. Curnutt, K. William Faulkner / K. Curnutt. – London: Reaktion Books, 2018. – 223 p.
6. Faulkner, W. As I Lay Dying / W. Faulkner. – New York: Vintage Books, 1964. – 250 p.
7. Warren, R.P. Selected Essays / R.P. Warren. – New York: Vintage Books, 1958. – xi, 305 p.

³⁵ «...I knew that motherhood was invented by «someone who had to have a word for it because the ones that had the children didn't care whether there was a word for it or not. I knew that fear was invented by someone that had never had the fear; pride, who never had the pride» [5, p. 163–164].